

ГРИНБАУМ Н. С.

ЯЗЫК ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ХОРОВОЙ ЛИРИКИ (к итогом исследования)

Дешифровка крито-микенских надписей XV—XIII вв. до н. э., осуществленная более тридцати лет тому назад английским исследователем М. Вентрисом, позволила ввести в научный оборот новый архаический письменный памятник древнегреческого языка [1]. Это открытие, знаменательное само по себе [2, с. 42], оказало и продолжает оказывать благоприятное влияние как на развитие греческого языкознания, так и литературоведения [3, с. 200—206]. Основной «удар» пришелся на Гомера, его поэмы оказались на 500—700 лет моложе крито-микенских писем [4, с. 91]. И хотя крито-микенские надписи — не поэтические сочинения, а образец прозаического канцелярского стиля [4, с. 87], близкого к разговорной греческой речи [5, с. 7—28], их открытие означало, что многовековое монопольное положение произведений Гомера как наиболее древних греческих текстов оказалось поколебленным. Ученые и раньше не сомневались, что существовали поэты и до Гомера, однако это была все же гипотеза, не подтвержденная конкретными доказательствами.

После прочтения крито-микенских надписей ситуация коренным образом изменилась. Дело не только в том, что в них было обнаружено несколько десятков слов, встречающихся позднее у Гомера [6, с. 116—122]. Дешифровка убедительно подтвердила, что за несколько столетий до появления его поэм существовала греческая культура со своей письменностью и, что не менее важно, до-видимому, и со своей поэзией [4, с. 102]. Получила ли она уже тогда свое письменное оформление, что остается сомнительным, или культивировалась в фольклорном, устном исполнении, — не столь уже важно. А коль скоро она существовала, то, во-первых, у эпической поэзии могли быть и, несомненно, были свои предшественники и, во-вторых, равным образом могли быть представлены, наряду с эпикой, и другие виды поэтического творчества.

Появились в печати работы, авторы которых стремятся обнаружить в крито-микенских текстах истоки эпической традиции [7—9]. Некоторые исследователи склонны пересмотреть вопрос о безусловной зависимости и ряда других литературных жанров греческой литературы от Гомера. В частности, хоровая лирика могла восходить не непосредственно к гомеровской, а к догомеровской поэтической традиции [10, с. 9—10]. В последнее время к этой же мысли пришли ученые, занимающиеся ранней лирикой¹, трагедией [12, с. 15], историей эпиграммы². В то же время продолжают

¹ В. Н. Ярхо указывает на самостоятельность раннегреческой лирики и ее независимость от эпоса [11, с. 30].

² «В то же время, — отмечает Н. А. Чистякова, — при первом знакомстве с ранними метрическими надписями VII—III вв. до н. э. в них обнаруживались следы некоего общепозитического наддиалектного языка, уводящего за гомеровскую поэзию» [13, с. 197].

встречаться высказывания, резко отрицающие всякие попытки «умалить» роль и значение Гомера как основного источника всей позднейшей греческой литературы. А. И. Зайцев, например, считает попытку возвести гомеровский язык и язык хоровой лирики к общему источнику микенской или домикенской эпохи «ошибочной». «Мы полагаем,— пишет он,— что ошибочными являются все попытки преуменьшить значение гомеровской поэзии для формирования греческой лирики и искать ее корни в какой-то иной фольклорной традиции» [14, с. 168].

В этих условиях представляется целесообразным еще раз вернуться к рассмотрению проблемы языка древнегреческой хоровой лирики, суммируя как ранее высказанные соображения, так и результаты последующих изысканий. Такое рассмотрение важно с точки зрения оценки поступивших в наше распоряжение новых научных данных и в плане определения их методологической значимости.

Хотя хоровая лирика как литературный жанр появляется в Древней Греции в послегомеровский период (примерно в VII—VI вв. до н. э.), а достигает расцвета в V в., нет сомнения, что хоровые песни относились к древнейшему виду народного поэтического творчества. На это указывают три обстоятельства. Во-первых, их теснейшая связь с культом и обрядом, потребности которых ими главным образом и обслуживались [15, с. 89]. Во-вторых, коллективный характер исполнения хоровых песен, сопровождаемый ритуальной пляской и сочетающий слово с музыкой. В-третьих, неоднократное упоминание Гомером отдельных видов хоровой лирики, исполнившихся ахейцами, троянцами и феакийцами. Четырежды описывается им «плач»: Фетида и Нереиды, Ахилл и его люди оплакивают смерть Патрокла (Ил. 18.50—51; 314—316), троянцы — смерть Гектора (Ил. 24.723), Музы — смерть Ахилла (Од. 24.60). Молодые ахейцы поют гимн Аполлону (Ил. 1.472—474), исполняют пеан после гибели Гектора (Ил. 22.391). На щите Ахилла изображена сцена исполнения гимenea (Ил. 18.493). Песня феакийских девушек (Од. 6.101) напоминает позднейший парфений.

По вопросу о том, на каком диалекте сочинялись древнегреческие хоровые песни, высказывались различные, нередко противоположные точки зрения. Одни полагали, что в его основе лежит эпический диалект, т. е. язык Гомера. Это мнение, высказанное впервые в начале XIX в. К. Германном [16, с. 247], продолжало поддерживаться некоторыми исследователями еще совсем недавно [17, с. 89]. Другие утверждают, вслед за Г. Аренсом [18, с. 40], что хоровая лирика создана дорийцами и дорийский диалект составляет его базу [19, с. 163]. Однако верх взяло мнение, в соответствии с которым диалект хоровой лирики неоднороден и состоит из трех составных частей: дорийской, эпической и эолийской [20, с. 4]. И здесь выявились два подхода. Первый провозглашал эту диалектную смесь искусственной, созданной самими поэтами [21, с. 385]. Второй объявил смешение диалектов в хоровых песнях отражением объективно сложившегося процесса [22, с. 343].

Предпринятое нами изучение фонетико-морфологической структуры языка хоровых лириков дает основание утверждать, что мы имеем дело со своеобразным наддиалектом, не совпадающим ни с одним из известных нам греческих территориальных говоров [23, с. 266—274].

Процесс создания поэтических жанров древнегреческой литературы и их языков был тесно связан с историческим развитием Греции на разных его этапах, с одной стороны, и с диалектными, географическими и демографическими условиями, с другой [24, с. 110—111]. В итоге их взаимодействия возникли разные типы наддиалектных образова-

ний, представлявших базу формирования жанровых литературных языков. Первый из них связан с островным и малоазиатским ареалом и представлен эпической поэзией, лесбосской меликой и ионийской лирикой. Второй имеет отношение к Аттике и Сицилии и представлен драматическим жанром трагедии и комедии. И лишь у хоровой лирики нет особых связей ни с одним центром Древней Греции, а ее представителей мы находим на всей греческой территории. Не увенчались успехом попытки увязать ее происхождение со Спартой [25, с. 7], с Беотией [26, с. 49—60].

Предпринятое мною вслед за обстоятельным анализом языка Пиндара изучение в сопоставительном плане языка других видных представителей греческой хоровой лирики, а именно Алкмана, Стесихора, Симонида и Вакхилида, выявило общую диалектную базу при второстепенных расхождениях [27]. В частности, встречающиеся у Алкмана отклонения в виде дорийских и лаконских элементов являются отражением местной диалектной среды. У. Виламович высказал мнение, что, несмотря на определенные индивидуальные отличия, язык хоровой лирики представлял собой единое целое [28, с. 96]. Основные фонетико-морфологические модели совпадают у всех хоровых лириков и были несомненно унаследованы ими по традиции. Трудно согласиться с утверждением В. Нестле о наличии доризирующей тенденции в хоровой поэзии [29, с. 59]. Предпочтительнее определить эту тенденцию как архаизирующую и видеть в ней стремление поэтов воспользоваться кое-где старинными формами, вышедшими из обиходного употребления [30, с. 37]. А. Мейе писал: «Что касается хоровой лирики, которую принято считать дорийской, то хотя она создавалась для дорийцев, она не была их творением» [31, с. 148]. Добавим от себя, что хоровые песни создавались не для одних дорийцев, они исполнялись в материковой Греции и на греческом Западе для участников всегреческих и местных празднеств во всех уголках страны. У нас есть все основания предположить, что базой языка хоровой лирики была эолийско-протоионийская койнэ с западногреческой прослойкой [32, с. 29].

Язык греческой хоровой лирики, как и сам этот архаический поэтический вид песнопений, сложился задолго до Гомера еще в дорийскую, надо полагать, эпоху [33, с. 4]. Он возник на базе реально существовавшего и исторически сформировавшегося языка микенского периода так же закономерно, как впоследствии, хотя и при других обстоятельствах, это случилось с языком гомеровского эпоса [34, с. 9]. Некоторое представление об этом древнейшем языке дают нам в настоящее время крито-микенские тексты. Они были написаны на южной разновидности микенской койнэ [35, с. 173—187], в основе которой лежали ахейско-протоионийские явления с определенной прослойкой аркадско-кипрского и местного субстрата Пелопоннеса и Крита [36, с. 78—86]. «Микенский» как наддиалектное образование не оставил после себя прямых «наследников» в позднейший период и исчез вместе с исчезновением микенского общества.

Однако в микенскую эпоху существовала также и поэтическая койнэ, возвышавшаяся в качестве наддиалектного образования над обиходными диалектами того времени [4, с. 101]. Можно предположить, что именно она, сохранившись на греческом Западе, стала основой эпических и хоровых песен Стесихора [37, с. 302]. «Додорийская Греция с ее „ахейскими“ государствами, — писал И. М. Троицкий, — была едина и в экономическом, и в культурном отношении, и единому наддиалекту хозяйственных записей Кносса и Пилоса, Микен и Фив соответствовал, вероятно, несколько особый, но столь же единый наддиалект устной поэзии» [4, с. 131]. Отмечая, что поэтическая разновидность греческого языка микенской эпохи может

быть восстановлена только гипотетически. Н. М. Тронский подчеркивал, что «гипотеза эта является основополагающей для истолкования всего последующего процесса развития греческих литературных языков, начиная с гомеровского» [4, с. 133].

Поэтический наддиалект микенской эпохи отличался значительно большим, по сравнению с отраженным в крито-микенских надписях, богатством и разнообразием выразительных средств, закрепленных многовековой традицией. Он был связан, как показали наши исследования, не с южным, как крито-микенские тексты, а с северо-восточным ареалом архаической Греции, прежде всего с Фессалией и островом Лесбос³. Лишь в надписях этого региона нам удалось обнаружить в совокупности такие характерные для хоровой лирики и эпической поэзии языковые явления, как окончания род. падежа ед. числа -οιο, -οο и мн. числа -ου, -οων; дат. падеж на -εοσι, глагольные формы 3-го л. мн. числа на -ουσι и -οισι, причастие жен. рода на -οισα и перфектное причастие на -ων, атематические инфинитивы на -μεν и -εμεν, инфинитив ἐμμεσι, личное местоимение ἔμμε и др. [10, с. 147—157, 276—278]. Диалектную базу поэтической микенской койнэ составляет, надо полагать, ахейско-протоионийский, с одной стороны, и эолийский, с другой⁴. Именно эти диалекты с соответствующими, разумеется, модификациями лежат в основе языка послемикенской поэзии, и прежде всего ее двух ведущих ответвлений — хоровой лирики и эпоса [39, с. 221].

Вторжение в конце II тысячелетия до н. э. дорийских племен в центральную и южную Грецию оттеснило ее прежних жителей с насиженных мест и привело к изменению языковой ситуации на ее территории [40, с. 50—51]. Было нарушено создавшееся веками общественно-политическое и культурно-религиозное единство и резко сузилась сфера употребления архаического греческого языка в его устном наддиалектном варианте. Он продолжал тем не менее еще долго сохраняться в живом употреблении во многих древних, прежде всего культовых центрах.

Вместе с тем получили свое дальнейшее развитие хоровые песни, сложившиеся на базе поэтического наддиалекта микенской эпохи. Хоровая лирика, превращаясь в литературный жанр, продолжала пользоваться унаследованной от прошлого общепоэтической языковой основой.

Впоследствии, в классический период, эти древние связи языка хоровой лирики с микенским поэтическим наддиалектом были полностью забыты. А так как дорийский диалект сохранил столь заметный признак архаического вокализма, как долгая -α в ряд языковых архаизмов, а также в связи с тем, что хоровые песни пользовались у дорийцев особым вниманием, греческие комментаторы и грамматисты стали определять их язык как дорийский. Эта версия прoderжалась, как отмечалось выше, вплоть до наших дней [41, с. 26].

Предположение о реальном существовании в ранней Греции языковой среды, послужившей основой для формировавшегося языка хоровой лирики, привело нас к поискам ее следов в эпиграфическом материале. Наши разыскания показали, что в прозаических надписях VI — III вв. до н. э. ряда древнейших центров материковой Греции, а также на окраинах греческого мира сохранились языковые элементы, характерные и для языка хоровой лирики, в том числе и не встречающиеся у Гомера. Выяснилось,

³ Аналогичной точки зрения придерживается итальянский исследователь В. Павезе [38, с. 164].

⁴ В. Шмид и О. Штелин отмечают, что возникновение греческой литературы связано с эолийской и ионийской областью заселения [30, с. 39].

что общие языковые явления представлены, с одной стороны, в областях Греции, не подвергшихся дорийскому вторжению (Аттика, Аркадия, Пеллагиотиды — на материке, М. Азия и Египет — на окраине), и, с другой, на территориях, оккупированных дорийцами (Фокида, Арголида, Крит, Великая Греция): здесь они связаны с додорийским языковым слоем. Наиболее показательными являются в этом плане надписи городов Ларисы (Фессалия), Афин и Элевсина (Аттика), Тегей и Мантиней (Аркадия), Дельфов (Фокида), Аргоса и Эпидавра (Арголида), Гортинны (Крит); Теоса, Милета и Эфеса (М. Азия); Гераклеи (Великая Греция) [42, с. 24—43]. Приведенные выше данные говорят не в пользу дорийской диалектной основы языка древнегреческой хоровой лирики. К сказанному можно добавить, что и само понятие дорийской диалектной базы трактуется исследователями по-разному. Одни видят в ней дорийский диалект Пеллопоннеса, другие — искусственный литературный диалект, на котором никто не говорил [43, с. 13]. Ни те, ни другие не подкрепляют своих гипотез убедительными доказательствами.

Заслуживает внимания отражение лексики хоровой лирики в надписях. В отличие от фонетико-морфологических элементов эта лексика явно преобладает в эпиграфическом материале центральной Греции — в Аттике, на Эвбее и в Арголиде, а также в окраинных областях греческого мира — в Египте, Малой Азии и Великой Греции. Можно предположить, что в центральной части греческого материка поэтический язык, принесенный сюда с севера, получил свое дальнейшее развитие. Здесь он мог значительно обогатиться за счет более развитой в лексическом отношении языковой среды. Что касается Египта, Малой Азии и Великой Греции, то сюда он был, по-видимому, занесен выходцами из греческого материка, потесненными надвигнувшимися на них пришельцами.

Наличие в ряде областей Греции прозаических надписей, в которых удалось обнаружить фонетико-морфологические и лексические особенности, свойственные языку хоровой лирики, показывает, что мы имеем дело с отражением в нем закономерностей, реально существовавших и объективно сложившихся в ходе исторического развития греческих диалектов, а не с плодом поэтической выдумки и личного творчества представителей рассматриваемого нами жанра.

На протяжении нескольких последних лет мною изучалось соотношение лексики хоровой лирики, и в частности у Пиндара, с лексикой других основных жанров греческой литературы. Меня интересовал вопрос, есть ли действительно основание для утверждения, что Гомер оказал на Пиндара решающее влияние. Был подвергнут анализу один из основных слоев поэтической лексики Пиндара — имена существительные. Выяснилось, что из общего числа рассмотренных слов, которое составило 1491 единицу, наибольшее их количество представлено в греческой трагедии (особенно в лирических партиях) — 948 — и наименьшее — 752 — в гомеровском эпосе. Для сравнения можно указать, что в ранней лирике обнаружено 809 общих слов, в исторической прозе — 767 и в философской — 754. Если в трагедии отсутствуют 243 слова, имеющиеся у Пиндара, то негомеровских слов насчитывается у него 439. Следует при этом заметить, что «гомеровские» слова обозначают наиболее обиходные и употребительные понятия. В то же время слов, представленных только у Гомера и Пиндара, — немного, всего 22, а у Пиндара и в трагедии — 36. Гапаксов насчитывается всего 72. Нельзя в связи с этим не присоединиться к словам В. Н. Ярхо: «Если какое-то слово, встречающееся впервые у Гомера, затем обнаруживается у Геродота и в эпиграфических документах, в аттической лите-

ратуре и в новозаветной прозе, то не значит ли это, что оно присутствовало в греческом языке на протяжении столетий и что послегомеровские авторы, как и Гомер, пользовались неким общим лексическим фондом, совершенно не нуждаясь в посредничестве эпоса?» [44, с. 30].

Сравнение произведений Гомера и Пиндара в плане употребления общих композитов, проведенное нами раньше, показало, что из 802 встречающихся у Пиндара композитов представлены у Гомера — 123 (15%), а в трагедии, особенно в хоровых партиях — 222 (28%). Пиндаровских гапаксов насчитывается при этом 273 (34%). По числу общих композитов наиболее близкими к Пиндару оказались также Еврипид (125) и Эсхил (121).

Сопоставление пиндаровских композитов-гапаксов с соответствующими гомеровскими и крито-микенскими именами также подтверждает, что у языка хоровой лирики могла быть и своя собственная поэтическая традиция, более древняя, чем гомеровская. Доказательством тому служит, как нам представляется, наличие у Пиндара композитов с первыми составляющими $\tau\lambda\alpha\sigma\iota$ -, $\pi\epsilon\sigma\iota$ -, $\epsilon\rho\sigma\iota$ -, встречающимися у Гомера лишь в собственных именах, и композитов с отсутствующими у Гомера, но представленными у Пиндара и в крито-микенских текстах глагольными основами $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\iota$ -, $\acute{\alpha}\epsilon\lambda\iota$ -, $\mu\upsilon\alpha\sigma\iota$ -, $\epsilon\rho\alpha\sigma\iota$ -, $\acute{\alpha}\gamma\gamma\eta\sigma\iota$ -, $\phi\iota\lambda\eta\eta\sigma\iota$ - [45, с. 75—86].

Рассмотрение 615 пиндаровских имен на $-\tau\eta\rho$ -, $-\tau\iota\alpha$ -, $-\upsilon\alpha$ и др. показало, что наибольшее их число встречается у Еврипида (280), Гомера (271) и Эсхила (247), в том числе сложных: 52 у Еврипида, 48 — у Гомера и 45 — у Эсхила. Отсюда вытекает, что нет оснований говорить в этом плане об особом месте Гомера. Показательно, что в процентном отношении число пиндаровских простых имен, встречающихся уже у Гомера, значительно больше, чем число сложных имен (свыше 50% в первом и около 25% — во втором случае). Вряд ли может идти речь и в этой группе слов о заимствовании.

Примерно такая же картина вырисовывается при анализе 534 пиндаровских глаголов на гласные ($-\alpha\omega$ -, $-\epsilon\omega$ -, $-\omicron\omega$ [46, с. 68—80] и согласные ($-\zeta\omega$ -, $-\upsilon\omega$) основы. Общих для Гомера и Пиндара глаголов оказалось 334, для Пиндара и Еврипида — 331. Новыми по сравнению с Гомером оказались 200 глаголов. По числу простых глаголов Гомер (238) находится на уровне трагиков Еврипида (234) и Софокла (230), по числу сложных глаголов — на первом месте находится Геродот (общих глаголов с Пиндаром — 108), за ним следуют Еврипид (97) и Гомер (96).

Подводя итог сопоставительного изучения лексики хоровой лирики (Пиндар) с лексикой других жанров греческой литературы, мы должны констатировать преимущественную близость Пиндара к трагедии (хоровые партии). Это подтверждает не только их жанровую общность, но и, по-видимому, общность происхождения. Вместе с тем мы должны отметить, что приписывать Гомеру главную и особую роль в воздействии на хоровую лирику и в лексическом плане у нас нет никаких оснований⁵.

В заключение можно сформулировать следующее.

1) Язык хоровой лирики выделился из поэтического наддиалекта микенской эпохи и продолжал свое дальнейшее существование как самостоятельно, так и в греческой трагедии. 2) Диалектной базой этого языка была эолийско-протоионийская койнэ. 3) В развитии хоровой лирики продолжалась собственная многовековая традиция, независимая от эпичес-

⁵ Высказанное А. И. Зайцевым утверждение о «колоссальном» влиянии эпоса «на греческую литературу» [14, с. 169] следует признать явно преувеличенным.

кой. 4) Лексическая общность хоровой лирики и гомеровского эпоса является не следствием заимствования, а восхождения обоих жанров к общему архаическому источнику додорийской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1973.
2. *Лурье С. Я.* Язык и культура микенской Греции. М. — Л., 1957.
3. *Гринбаум Н. С.* Микенологические исследования (1973—1977) // ВДИ. 1982. № 2.
4. *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
5. *Risch E.* Il miceneo nella storia della lingua greca // Quaderni Urbinati di cultura classica. 1976. № 23.
6. *Chadwick J.* Mycenaean elements in the Homeric dialect // Minoica. Festschrift Sundwall. Berlin, 1958.
7. *Ruijgh C. J.* L'élément achéen dans la langue épique. Assen, 1957.
8. *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. L., 1958.
9. *Durante M.* Sulla preistoria della tradizione poetica greca. Roma, 1971.
10. *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973.
11. *Flöte und Harfe, göttlicher Widerhall. Frühgriechische Lyrik* // Hrg. von Jarcho V. Leipzig, 1985.
12. *Ярхо В. Н.* Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978.
13. *Чистякова Н. А.* Греческая эпиграмма VIII—III вв. до н. э. Л., 1983.
14. *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.
15. *Тронский И. М.* История античной литературы М., 1983.
16. *Hermann C.* Opuscula. V. I. Lipsiae, 1827.
17. Античная литература / Под ред. Тахо-Годи А. А. М., 1986.
18. *Ahrens H. L.* De Graecae linguae dialectis. V. II. Cotinggae, 1843.
19. *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. М., 1977.
20. *Audouin E.* Etude sommaire des dialectes grecs littéraires. P., 1891.
21. *Croiset A.* La poésie de Pindare et les lois du lyrisme grec. P., 1895.
22. *Sinko T.* Literatura grecka T. I. Kraków, 1931.
23. *Гринбаум Н. С.* Дialectная база языка Пиндара // Античное общество. М., 1967.
24. *Гринбаум Н. С.* Ранние формы литературного языка (Древнегреческий). Л., 1984.
25. *Bowra C. M.* Greek lyric poetry. Oxford, 1936.
26. *Führer A.* Der böotische Dialekt Pindars // Philologus. 1885. V. 44.
27. *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986.
28. *Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Pindaros. Berlin, 1922.
29. *Nestle W.* Geschichte der griechischen Literatur. Bd. I. Berlin, 1942.
30. *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. Bd. I. München, 1959.
31. *Meillet A.* Aperçu d'une histoire de la langue grecque. P., 1965.
32. *Гринбаум Н. С.* Язык Пиндара (Фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы): Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1969.
33. *Zarncke E.* Die Entstehung der griechischen Literatursprachen. Leipzig, 1890.
34. *Robert F.* La littérature grecque. P., 1958.
35. *Georgiev V.* La *χορὴ* créto-mycénienne // Etudes mycéniennes. P., 1956.
36. *Гринбаум Н. С.* Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты // ВЯ. 1959. № 6.
37. *West M. L.* Stesichorus // The Classical Quarterly. 1971. V. XXI. No 2.
38. *Pavese C. O.* La lingua della poesia corale come lingua d'una tradizione poetica settentrionale // Glotta. 1967. V. 45.
39. *Björck G. B.* Das alpha impurum und die tragische Kunstsprache. Uppsala, 1950.
40. *Блаватская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.
41. *Широков О. С.* История греческого языка. М., 1983.
42. *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник // ВДИ. 1974. № 4.
43. *Buck C. D.* The Greek dialects. Chicago, 1955.
44. *Ярхо В. Н.* О некоторых так называемых гомеризмах в древнегреческом языке // ВДИ. 1973. № 3.
45. *Гринбаум Н. С.* Крито-микенские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар) // Studia Mycenaea. Brno, 1968.
46. *Grinbaum N.* S. Pindars Lexik. Die *αω-, ωω-, οω-* Verben // Aischylos und Pindar. Berlin, 1981.